17. Кочетков В.В., Шапошников В.Н. Заметки о современных клише и ходячих выражениях // Рус. речь. 1998. № 6.

18. Культура русской речи. М., 1998.

19. Купина Н.А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

20. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург–Пермь : Урал. гос. ун-т, 1995.

21. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX в. Спб.,1904.

22. Лемке М. Николаевские жандармы и русская литература 1826–1885. Спб., 1909.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955.

24. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

25. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2007.

26. Пихурова А.А. Судьба советизмов в русском языке конца XX–начала XXI века (на материале словарей и текстов) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006.

27. Российский энциклопедический словарь. М., 2001.

28. Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2000.

29. Словарь русского языка. 2-е изд. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981–1984.

30. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М., 1965.

31. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2008.

32. Уледов А.К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. М., 1968.

From the history of interrelations between ideology and language

There is covered the issue of interrelations between ideology and language: language as the object of ideological struggle and language as the means of ideological influence on the mass in the pre-Soviet and the Soviet period. There is used the information from linguistic research, explanatory dictionaries of the Russian language of the XIX-XXI centuries, the materials from periodicals.

Key words: *ideology, ideological unit, language, functions of ideology and language, expression, slogan, phraseological unit, deactualization, Sovietism.*

Н.Б. КАРДАНОВА
(Москва)

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЦАРСКИХ ПОСЛАНИЙ К ДОЖАМ ВЕНЕЦИИ

На материале грамот царей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей и Петра I проведен анализ палеографического оформления царских посланий, отправленных к дожам Венеции в XVII в.

Ключевые слова: *дипломатическая переписка, Россия, Венеция, грамота, палеография.*

Царские грамоты, отправляемые за границу (в частности в Венецию), составлялись и оформлялись в соответствии с неким представлением о том, как должен выглядеть внешнеполитический документ. Среди документов Посольского приказа не сохранилось каких-либо распоряжений или напоминаний о том, как составлялись и оформлялись царские грамоты европейским государям. Мы имеем дело с некой традицией, однако неизвестно, была она кем-то установлена и принята или же постепенно сложилась в Посольском приказе, служащие которого были известны как профессиональные оформители изданий различного содержания [2, с. 149–243].

В настоящей статье рассматривается совокупность признаков, отличающая царское послание иностранному адресату от документов других жанров. Под оформлением текста понимается как фиксированное расположение некоторых его частей (формуляр), так и собственно палеографические характеристики, а также особенности речевого этикета. Такой подход обусловлен тесным взаимодействием этих трех аспектов.

Палеография текста царского послания иностранному государю, существовавшего исключительно в виде рукописи (а именно в такой форме царская грамота существовала на протяжении веков — печатная шапка появилась лишь в XIX в. в грамотах Александра III), не только представляет интерес для истории языка (в том числе и истории пунктуации), но и непременно должна быть учтена при анализе содержания, структуры и стиля грамот русских царей, в частности к дожам Венеции.

Палеографические характеристики царских грамот включают описание типа бумаги, размера листа, использование декоративных

© Карданова Н.Б., 2012

элементов в их оформлении (орнамент, золото, специальное выделение заглавной буквы) или отказ от них, специальные поля (траурная рамка), деление текста на абзацы, особенности графики (выбор письма, высота и начертание букв, расстояние между словами и строками) и пунктуацию.

Первое описание палеографии царских грамот к зарубежным государям, отправлявшихся в годы правления царя Алексея Михайловича, дал бывший служащий Посольского приказа Г.К. Котошихин (1630–1667), прошедший путь от писца (т.е. простого переписчика документов) до подьячего Посольского приказа и хорошо знавший правила составления и оформления царских посланий иностранным государям. В своей книге «О России в царствование Алексея Михайловича» Г.К. Котошихин связывал выбор типа бумаги, ее размер, узор (или его отсутствие) и использование золота со статусом того, к кому пишется грамота, и соотносит ее оформление с содержанием. В главе «О титлах, как которому потентату Московский царь пишетца» он перечислил иностранных правителей, в первую очередь европейских, которым из России направлялись дипломатические послания, после имени адресата цитировал обращение к нему, затем называл его титулы и приводил основной текст грамоты, в завершении характеризовал выбор бумаги и орнамента [1, с. 57–61].

Для Котошихина был принципиально важен зачин царской грамоты: инвокация и синтаксическая форма, в которой даются имя царя и титулы, образующие лексико-синтаксическую структуру, по заведенной традиции воспроизводимую из грамоты в грамоту. Зачин напрямую зависит от адресата, равно как и выбираемое оформление листа и орнамент. Можно, на наш взгляд, утверждать, что инвокация и выбор синтаксической формы царских титулов — органическая часть оформления царской грамоты; они находятся в ведении скорее оформителя, чем составителя.

Говоря о том или ином правителе, Котошихин отмечал, что грамоты пишутся на «Александрийской бумаге», и называл ее размер («на самой болшой», «на меншой», «на середней»). Отдельно указывается, какие «травы» (орнамент) пишутся золотом — «болшие», «середние», когда они пишутся лишь сверху, но не по бокам. Следует сказать, что александрийская бумага — наиболее ценный писчий материал того времени. В частности, именно на ней служащие Посольского приказа написали как тексты, отражающие, например, высшую светскую власть («Титулярная книга»), так и роскошное Евангелие [2, с.183–188].

Котошихин также специально оговорил, до какого слова царские титулы и титулы адресата пишутся золотом, а что — чернилами: «А пишут его царскую титлу золотом по “Московского”; а иные титлы пишут золотом: Цесарскую по “Августус”, Свейскую по “Свейского”, Полского по “Полского”, Аглинскую по “Аглинского”, Датцкого по “Датцкого”; курфистров, и князей, и графов, и Галанских статов, против токого ж обычая, с розверстанием; а досталь титл пишетца чернилом» [1, с. 58].

Котошихин настаивал, что речь идет о сохраняющейся в Посольском приказе традиции. По его мнению, именно таким образом выражается отношение к адресату (и, смеем предположить, важность отношений с данным государством): «...для того что тою будто бумагаю и травами золотыми которому потентату болши чести воздают, а иному менши». Практический аспект может влиять лишь на выбор бумаги большего размера в необходимых случаях («разве для самой великой грамоты что ее не мочно будет написать на меншой или на середней бумаге, велят писать на болшой») (Там же, с. 57).

Таким образом, чем торжественнее оформлена царская грамота, чем больше потрачено на это материальных средств и искусства мастеров, тем важнее для ее автора отношения с адресатом и с государством, которое он представляет. В этом можно увидеть не только особую честь, оказываемую адресату, но и стремление продемонстрировать ему и высочайший государственный статус, и власть автора царской грамоты, и мощь его государства.

Описание царских грамот в эпоху царствования Иоанна и Петра Алексеевичей содержит чрезвычайно ценные для нас пометы дьяка. Анализ этих помет позволяет сделать вывод о том, какие правила оформления беловика царской грамоты должны были выполняться служащими Посольского приказа неукоснительно, чтобы достойно представлять русского царя перед его зарубежным адресатом.

Это в первую очередь сообщение о том, кто «писал» грамоту; в записях служащих Посольского приказа эта лексема обозначает, кто именно на самом деле *переписывал* беловой текст грамоты, отправлявшейся за рубеж. Так, грамоту царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 25 января 1687 г. «писал Государственного Посолского Приказу подъячей Никифор Иванов» [5, стб. 1253]; грамоту Алексея Михайловича от 11 октября 1672 г. «писал белую подъ-

ячей Малороссийского приказу Дементей Иванов» [3, стб. 767] .

В описании грамоты обязательно указание, что речь идет о беловике: «белая грамота» или «писана на бело». Непременно указаны тип бумаги (александрийская) и ее размер («большой» или «средний» лист). Украшение листа сверху («койма») над царскими титулами, представлявшее собой корону, было, как представляется, обязательным, и потому в описаниях грамоты не отмечалось. Зато декорирование листа на боковых полях, справа и слева от текста грамоты, было факультативным, и его отсутствие помечалось словами «койма без фигур». Так, например, описана грамота Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г.: «Белая грамота писана на болшом александрейском листу» [5, стб. 925]; грамота Иоанна и Петра Алексеевичей от 26 октября 1687 г.: «Такова В. Г-рей грамота писана на бело на александрийском среднем листу, койма без фигур» [4, стб. 306] и мн. др.

В описании грамоты обязательно отмечено, какая часть текста написана золотой краской. В описании грамоты царя Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г. указано, что царские титулы сплошь написаны золотом, а также то, что золотом была оформлена «кайма»: «кайма и государство имя “по Московского” писано золотом» [5, стб. 925].

В грамоте, направленной в Венецию от имени царей Иоанна и Петра Алексеевичей 25 января 1867 г., указывается последняя буква, выделенная золотом в царских титулах и титулах адресата: «богословие и В. Г-рей имянование и титлы золотом писано по Московскии “М”, а Венецыйского князя титло и имя по владетельство золотом же “В”» (Там же, стб. 1253).

С грамоты Иоанна и Петра Алексеевичей, отправленной 26 октября 1687 г., в описание грамоты добавилось противопоставление текста, оформленного золотом, основному тексту («дело»), написанному чернилами: «богословие и В. Г-рей имянования и титла по “Московского” — М., а Венецийского Князя имя и титло по “владетелство” — В., писано золотом, а дело чернилы» [4, стб. 306]. Обязательны также в описании грамоты указание на то, что она запечатана (наличие печати свидетельствовало о подлинности текста и обеспечивало его сохранность), и название ее типа, например: «запечатана государственною болшою печатью под гладкою кустолиею, а подписано на подписи на другой стороне печати против тогож, как и в лице писано» (Там же, стб. 306).

Отметим, что А. Вимина, посланник Венецианского дожа к царю Алексею Михайловичу, в своем отчете также отметил, что царская грамота была запечатана: «il vicecancelliero con la lettera di risposta del granduca, sigillata e con dentro ingiunta la traslazione in idioma italiano, com’io avea sup;icato a bocca» – «пришел дьяк с письменным ответом от великого князя, запечатанным и внутри с переводом на итальянский язык, о чем я просил устно» [7, p. 282].

В описании грамоты, как правило, отдельно отмечается так называемая «подпись», под которой имеется в виду обозначение адресата, вынесенное, как правило, на оборотную сторону «белого» листа; функция ее может быть сопоставлена с обозначением адресата на современном конверте. Упоминание «подписи» находим, например, в описании грамот от 25 января 1687 г.: «на подписи подписано титло и имя так же, как и в лице; писал Государственного Посолского Приказу подъячей Никифор Иванов» [5, стб. 1253].

В том случае, когда грамота отправлялась адресату в Венецию не только на русском языке, но и в переводе на итальянский или латынь, об этом обязательно сообщалось в ее описании: «... и с той грамоты переведено и написано цесарским писмом на тетради в десть; писал переводчик Иван Фан-Делдин, и положена в грамоту» (Там же, стб. 925).

В некоторых случаях сообщалось, каким образом грамота была доставлена адресату. Так, грамоту Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г. «относил дьяк Томило Перфирьев» [5, стб. 925], не указано кому: речь идет об уже упоминавшемся венецианском посланнике Альберто Вимине. Тот из-за болезни не смог быть на аудиенции у Алексея Михайловича, и дьяк Томило Перфирьев сам отнес ему грамоту. Следует сказать, что только в этом случае мы находим запись о том, как была завернута грамота: «послана в тафте червчатой» (Там же). Обычно грамоты доставлялись в специальных ковчегах, как правило, серебряных.

В описании грамоты царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 13 февраля 1688 г. о военных действиях сообщается об отправлении ее по почте: «Послана та В. Г-рей грамота чрез почту», «отнес к отпуску и отдал дьяку Андрею Виниюсу подъячей Михайло Волков тогож числа» (Там же, стб. 1309–1310), как и грамот этих государей от 26 октября 1687 г. [4, стб. 306] и от 13 февраля 1688 г. [5, стб. 1309–1310].

Возникает вопрос: как создавалась и оформлялась царская грамота, когда царь находился в военном походе? Известно, что при Петре Первом действовала Походная канцелярия. Первая грамота Алексея Михайловича в Венецию, согласно финальному протоколу, была написана из военного похода: «Писан в нашем государском походе, на стану, в нашеи царского величества отчине в Смоленске, лета от создания миру 7164 [1655] месяца ноября 23 дня» [8, № 2]. Ответная царская грамота, врученная Вимине, датирована 23 ноября, указано место ее написания: Смоленск. По оформлению она ничем не отличалась от остальных грамот Алексея Михайловича в Венецию: либо при царе находились опытные переписчики и подьячие, либо грамота была подготовлена в Москве и затем привезена в Смоленск. Для нас важно отметить, что все правила ее оформления были неукоснительно выполнены.

О палеографических особенностях дипломатических посланий русских царей дожам Венеции мы можем судить, опираясь на тексты грамот, отправленных царями Алексеем Михайловичем, Иоанном и Петром Алексеевичами и Петром I в Венецию на протяжении XVII в. и сегодня хранящихся в Государственном Архиве Венеции [8]. Грамоты написаны черными чернилами. Верхний рисунок, заглавная буква и первая строчка — золотые. Верх каждого листа украшает орнамент с изображением царской короны — символом царской власти; крупно выписанная заглавная буква также украшена.

В грамоте Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г. [8, № 2] на обратной стороне листа вклеена полоска бумаги с указанием адресата. Грамоты братьев Иоанна и Петра Алексеевичей и грамоты Петра Первого оформлены аналогично. В грамотах Петра Первого сохраняется использование количества золота, о котором писал Котошихин [1, с. 58].

Хотя Котошихин утверждал, что размер листа должен соответствовать статусу адресата, следует отметить, что лист бумаги подбирался под размеры текста грамоты. Лист не складывается пополам, не сгибается: чтобы прочитать царскую грамоту, адресат должен иметь перед глазами *весь* ее текст, который всегда располагался только на лицевой стороне: на обороте не писали. К примеру, в грамоте Алексея Михайловича от 1655 г. текст размещен на одном листе значительного формата (самая большая из его грамот — 38 см х 71 см), к которому снизу подклеен другой лист, выступающий на 8,5 см, благодаря чему весь текст уместился на одном листе.

Как видим, к началу единоличного правления царя Петра Алексеевича в Посольском приказе сложилась прочная традиция составления и оформления царской грамоты иностранному (в частности итальянскому) адресату. Внешний вид его грамот (в том числе направленных в Венецию), остается без изменений: золотая шапка с орнаментом в виде царской короны вверху и декоративным узором по бокам. Царские послания, адресованные иностранному адресату (например, дожам Венеции), занимают особенное место в царской корреспонденции в силу присущего только им протокола, включающего особенный формуляр и декоративное оформление.

Литература

1. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М. : РОССПЭН, 2000.
2. Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. Сб. VIII. С. 179–243.
3. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Спб., 1856. Т. IV.
4. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Спб., 1865. Т. VII.
5. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Спб., 1871. Т. X.
6. Bianconi S. L'interpunzione in scritture pratiche fra la meta' del Cinquecento e la meta' del Settecento in area lombarda. Trento, 1993. P. 231–237.
7. Caccamo D. Alberto Vimina in Ucraina e nelle «parti settentrionali» : diplomazia e cultura nel Seicento veneto, Europa Orientalis, 1986. № 5.
8. Venezia. Archivio di Stato. Moscovia. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740 (Collegio Secreto). Sezione III. Lettere. F.F. № 13.

Paleographic appearance of tsar's letters to doges of Venice

On the basis of the material of the letters of tsars Alexey Mikhailovich, Ioann and Petr Alexeevich and Petr I, there is analyzed the paleographic appearance of tsar's letters sent to the doges of Venice in the XVII century.

Key words: *diplomatic correspondence, Russia, Venice, letter, paleography.*